

A movie poster for the Russian film 'Искупление' (Redemption). The image is dark and moody, featuring a man and a woman in a close embrace. The man has a serious expression and a small wound on his cheek. The woman has long red hair. The scene is overlaid with a torn, translucent effect, revealing a bloody, injured body in the foreground. The title 'Искупление' is written in red at the bottom right. The word 'ОДЕРЖИМОСТЬ' is written vertically in white on the left side.

О
Д
Е
Р
Ж
И
М
О
С
Т
Ь

Искупление

Лилия Лис

Одержимость. Искупление.

<https://litres.ru/74384742>

Аннотация

Говорят, влюбляться в пациентов — профессиональное самоубийство. Особенно, если твой избранник — Ян Костылев. Он — тишина, от которой звенит в ушах. Он — тайна, за которую убивают. Я пришла лечить его тело, а в итоге отдала свою душу. Он не хочет, чтобы его спасали, но я не умею отступать. Я вытащу его из этой тьмы, даже если мне придется пройти через весь его ад вместе с ним. Искупление начинается с первого взгляда... и первой капли крови.

ХЭ для героев.

Строго 18+

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	12
Глава 3.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1.

Роза Гранская.

Стерильная тишина ночного коридора частной клиники «Асман» всегда казалась мне особенной. Здесь, за панорамными окнами, за которыми раскинулся спящий город, время текло иначе — вязко, тягуче, словно застывающий воск. Запах антисептиков, едва уловимый аромат хлора и свежезаваренного чая из ординаторской смешивались в уютный, почти домашний коктейль, который помогал держаться на ногах во время двенадцатичасовой смены. Этот запах был моим якорем, напоминанием о том, что я на своем месте.

— Вот хоть убей, Роза, я до сих пор не понимаю, как я на это подписалась! — Нина, моя однокурсница и по совместительству лучшая подруга, с тихим стоном откинулась на спинку пластикового стула. — Могли бы сейчас проходить практику в какой-нибудь спокойной городской поликлинике, выписывать рецепты от насморка, попивать дешевый кофе и строить глазки молодым хирургам. Но нет, мы в частной психиатрии, в три часа ночи, ждем, когда у кого-нибудь начнется фаза обострения и он решит побеседовать со стенами.

Я усмехнулась, не отрываясь от заполнения журнала дежурств. Мой почерк к ночи становился всё более неразборчивым, буквы танцевали какой-то ломаный вальс. Мы учились на четвертом курсе, и эта преддипломная практика в

«Асмане» была для нас билетом в будущее.

— Перестань ворчать, Нин. Кто, если не мы? Этим людям помощь нужна больше, чем кому-либо другому. Они заперты в собственных головах, и порой мы — единственные, кто держит их связь с реальностью. Нам чертовски повезло, что нас взяли именно сюда. Посмотри, какие здесь условия, какой инновационный подход. Это же бесценный опыт.

Нина выразительно закатила глаза, поправляя выбившийся из-под медицинской шапочки каштановый локон.

— Ты неисправимая идеалистка, Гранская. Твоя эмпатия тебя когда-нибудь погубит. Напишешь на надгробии: «Она слишком сильно сопереживала». «Повезло» ей... Ладно, святая Роза, пойду в буфет, попробую добыть нам хоть по какому-нибудь заветренному сэндвичу. Иначе мой желудок скоро начнет рассуждать о смысле жизни громче, чем пациент из седьмой.

Я кивнула, провожая подругу взглядом. Как только тихий стук её сабо затих за поворотом, я глубоко вздохнула и посмотрела на часы. 02:55. Время замерло. Через пять минут — плановый прием лекарств. В нашем отделении пограничных состояний лежали «спокойные» пациенты — те, чьи демоны дремали под толстым слоем нейролептиков. К тяжело-больным из закрытого блока нас, молодых студенток, естественно, не пускали — там работали только суровые санитары и врачи, чьи взгляды давно превратились в холодный скальпель.

Мой маршрут был привычным: десять палат, обход, проверка капельниц, раздача таблеток. Я начала методично раскладывать разноцветные пилюли в пластиковые стаканчики, пока мой взгляд не наткнулся на одну фамилию в списке.

Костылев Ян Константинович. 23 года.

Я почувствовала, как предательский румянец мгновенно залил мои щеки, а сердце пропустило удар, отозвавшись глухим эхом в ушах. Руки на мгновение замерли над подносом.

В его медицинской карте, которую я изучила до последней точки, значился сложный диагноз: тяжелое депрессивное расстройство с элементами самоповреждения и выраженной апатией. Но за сухими медицинскими терминами скрывалась бездна. Ян находился здесь уже пять лет. Врачи давно говорили, что стадия ремиссии позволяет ему покинуть клинику и перейти на амбулаторное лечение под присмотром родных. Но он каждый раз, с пугающим спокойствием, подписывал добровольный отказ. Он словно запер себя в этих стенах, превратив «Асман» в добровольную тюрьму.

Я не знала, что именно привело его сюда — в карте зияла пустота относительно его прошлого в другом городе, только краткие факты о затяжном кризисе после какой-то личной катастрофы. Но я помню нашу первую встречу. Это был мой первый день практики в прошлом году. Я зашла в его палату, чтобы измерить давление. Он сидел у окна, залитого холодным осенним светом, и смотрел сквозь стекло с такой отрешенностью, будто его душа уже давно покинула тело.

Это не было просто жалостью. И даже не профессиональным любопытством. Это была она — та самая наивная, незапная и совершенно неуместная любовь, о которой пишут в плохих романах. С того момента я жила от смены до смены, правдами и неправдами стараясь попасть именно в это отделение. Для всех он был сложным, «застрявшим» пациентом, который сам не хочет выздоравливать. Для меня он был загадкой, раненым принцем в бетонном замке, которого я мечтала вывести к свету.

— Ну что, Ян Константинович... — прошептала я, аккуратно укладывая его дозу антидепрессантов в отдельный стаканчик. — Посмотрим, какой сегодня у тебя день.

Я поправила халат перед зеркалом, пригладила волосы и, стараясь унять внутреннюю дрожь, вышла в коридор.

Девять палат остались позади. Я действовала как биоробот: улыбка, дежурный вопрос о самочувствии, стакан воды, проверка записи в журнале. Но мысли уже были в самом конце коридора. Палата номер 10. Мой личный алтарь.

Я прижала поднос к груди, чувствуя, как холодный металл холодит кожу сквозь тонкую ткань халата. Дверь поддалась без сопротивления. В комнате царил полумрак, прорезанный лишь мертвенно-бледными лучами луны, пробивавшимися сквозь щели жалюзи. Обычно Ян сидел в кресле, глядя в пустоту, но сегодня он лежал, свернувшись калачиком под тонким одеялом.

Подойдя ближе, я замерла. Воздух в палате казался на-

электризованным. Ян не просто спал — он вел войну. Его дыхание было тяжелым, рваным, с хрипами, вырывающимися из самой груди. Он метался по подушке, сжимая край одеяла так сильно, что костяшки пальцев побелели. Лицо, пересеченное парой едва заметных шрамов, было влажным от пота. Губы беззвучно шевелились, выплевывая обрывки каких-то мучительных, страшных слов, которые не предназначались для чужих ушей.

— Ян... Ян Константинович, — позвала я тихим, дрожащим голосом, ставя поднос на тумбочку. — Проснитесь. Это всего лишь кошмар. Вы здесь, вы в безопасности.

Я знала, что по протоколу пациентов в таком состоянии лучше не трогать, нужно звать дежурного врача. Но иррациональное желание утешить, коснуться, забрать его боль оказалось сильнее инструкций. Я осторожно протянула руку, чтобы коснуться его плеча, но стоило моим пальцам едва задеть ткань его пижамы, как реальность разлетелась вдребезги.

Всё произошло в доли секунды. Ян резко вскинулся, его тело сработало как взведенная пружина. Глаза распахнулись, но в них не было и тени узнавания — только первобытный, ледяной ужас и ярость загнанного в угол зверя. Прежде чем я успела издать хотя бы звук, его железная хватка сомкнулась на моем горле. Он рывком подмял меня под себя, вжимая в жесткий матрас с такой силой, что в спине что-то хрустнуло.

Воздух мгновенно перекрыло. Я видела его лицо в паре сантиметров от своего — зрачки были расширены настоль-

ко, что радужка превратилась в тонкое кольцо. Ян смотрел не на меня — он смотрел сквозь меня, в лицо какому-то своему внутреннему палачу. Я отчаянно хватала его за предплечья, пытаюсь разжать стальные пальцы, мои ногти впивались в его кожу, но он был словно в трансе, не чувствуя боли. Перед глазами заплескали черные искры, легкие горели от нехватки кислорода.

Внезапно в его взгляде что-то изменилось. Словно перегорел предохранитель. Пелена безумия спала, сменившись ледяным, ошеломляющим осознанием. Ян резко отдернул руку, словно коснулся раскаленного металла, и отшатнулся к стене, тяжело и хрипло вдыхая воздух.

— Какого хрена ты тут делаешь?! — взревел он. Голос, обычно тихий и меланхоличный, теперь напоминал раскат грома в закрытом пространстве. — Вали отсюда! Пошла вон, нахрен!

Я сползла на пол, судорожно глотая воздух. Горло обжигало, каждый вдох отдавался резкой болью в гортани. Растирая шею, на которой уже начали проступать багровые следы от его пальцев, я попыталась выдавить сквозь кашель:

— Ян... лекарства... Вам нужно принять...

— Да мне плевать на твои таблетки! — он сорвался на крик, переходящий в хрип. В следующее мгновение его рука с силой смела поднос с тумбочки.

Металлический грохот ударил по ушам, звон разбитого стекла и рассыпавшиеся по полу таблетки заполнили комна-

ту хаосом. Ян соскочил с кровати, в два шага преодолел расстояние до меня и мертвой хваткой вцепился в мой локоть. Боль была такой острой, что я вскрикнула.

— Убирайся, я сказал! — он буквально волок меня к выходу, не обращая внимания на то, что я едва успеваю переставлять ноги. — Чтобы я больше тебя здесь не видел! Слышишь? Не подходи ко мне!

Он с силой вытолкнул меня в коридор. Я не удержала равновесия и рухнула на холодный линолеум. Тяжелая дверь палаты захлопнулась с оглушительным звуком, лязгнул замок, окончательно отрезая его от остального мира.

Я сидела на полу, дрожа всем телом, чувствуя, как холод пола пробирается под халат. Слезы сами собой хлынули из глаз — горькие, обжигающие, полные шока и невыносимой, тупой обиды. Я ведь хотела спасти его... я верила, что моя забота может стать лекарством.

— Роза! Боже, Роза! — крик Нины разрезал тишину коридора.

Подруга бежала ко мне, бросив пакет с едой прямо на пол. Она упала рядом на колени, в ужасе глядя на мою шею, где уже явственно проступали синяки в форме пальцев.

— Что он сделал? Он напал на тебя?! Роза, посмотри на меня, дыши!

Я не могла ответить. Горло словно забили колючей проволокой, а из груди вырывались только тихие, рваные всхлипы. Нина, не раздумывая, с силой ударила по красной тревожной

кнопке на стене.

— Санитаров в десятую! Код красный! Срочно! — закричала она в селектор.

Подруга осторожно обняла меня за плечи, помогая подняться. Её руки дрожали не меньше моих.

— Пойдем, идем отсюда... Боже, Роза, я же говорила тебе, что это добром не кончится... Идем в ординаторскую, надо лед приложить.

Она уводила меня прочь, а за моей спиной уже гремели тяжелые шаги охраны и дежурного врача, спешивших к палате номер 10. Я в последний раз обернулась на закрытую дверь, чувствуя, как внутри что-то окончательно, с хрустом, надломилось. Мой «ангел», мой тихий, печальный Ян... сегодня я впервые увидела его истинную Тьму. И эта тьма не просто смотрела на меня — она пыталась меня уничтожить.

Глава 2.

Ян Костылев.

Белый кафель. Ослепительный, хирургически точный свет, от которого лопаются сосуды в глазах. И эта густая, липкая багровая жижа, которая медленно, с едва слышным чавканьем заливает пол, впитываясь в пористые швы между плитками. Я стою, сжимая в руке нож, и чувствую, как по венам течет не кровь, а арктический лед. Каждая капля, падающая с лезвия, звучит в моей голове как удар колокола.

Поднимаю взгляд на ту, что сидит у стены, бессильно прижимая ладонь к рваной ране в боку.

Я жду, что сейчас увижу темные, полные предсмертной обиды кудри Таши. Жду её тихий, надломленный шепот, который преследует меня каждую гребаную ночь уже пять лет. Я приготовился к привычному аду, к её обвиняющему «Почему ты убил меня, Ян?». Но вместо этого на меня смотрят огромные, шальные зеленые глаза, в которых застыло отражение моей собственной тьмы. Яркое пятно рыжих волос горит на белом кафеле, как лесной пожар, пожирающий остатки моего рассудка. Она не молит о пощаде. Она просто смотрит, и в этом взгляде столько невыносимой, чистой, кристальной боли, что у меня в груди что-то с оглушительным треском лопается.

Я подскочил на кровати так, будто в меня всадили разряд дефибриллятора.

Дыхание рвало легкие, вырываясь из горла хриплым свистом. Пот градом катился по спине, пропитывая тонкие простыни, которые теперь казались мне саваном. Сердце колотилось о ребра, как помешанная птица в тесной клетке, грозя проломить грудную клетку.

— Твою мать... — выдохнул я в липкую пустоту темной палаты.

Впервые. Впервые за пять лет гребаного ада в моей голове место Таси занял кто-то другой. Эти зеленые глаза, этот испуганный, сдавленный вздох. Я устало потер лицо ладонями, чувствуя подушечками пальцев неровные, бугристые рубцы на щеке. Мои личные медали за отвагу в бесконечной битве с собственной совестью. Знаки отличия для тех, кто выжил, но забыл зачем.

Вчера эта дурочка совершила фатальную ошибку. Смертельную. Нельзя трогать спящего зверя, особенно когда он заперт в клетке своего прошлого. Уязвимость — это не про меня. В моем мире уязвимость — это взведенный курок, направленный тебе же в висок.

Когда я почувствовал её тонкую, беззащитную шею под своими пальцами, когда вжимал её хрупкое тело в матрас, я не видел медсестру. Я не видел стажерку из «Асмана». Я видел свою погибель, свою самую большую ошибку. И я, сука, испугался. Испугался не за себя — на себя мне было плевать

еще с того дня на причале. Я испугался за неё. Когда в палату ворвались санитары, я уже был в полном сознании. Их отработанные «успокоительные» маневры и шприцы наготове были ни к чему — я и так был мертв внутри, просто биологическая оболочка еще по инерции продолжала дергаться.

Я встал с кровати. Ноги ощущались ватными, чужими, словно сделанными из мокрого песка. Кое-как дошел до раковины, плеснул в лицо ледяной водой, пытаюсь смыть остатки кошмара, который въелся в поры. Посмотрел в зеркало.

Из заляпанного амальгамой и пятнами жесткой воды стекла на меня смотрело чудовище. Обросший, бледный выродок с пустыми глазами, в которых выгорело всё живое. Пять лет. Пять лет я жру эти стены, пью эту химическую дрянь, превращающую мозги в кисель, и добровольно гнию в этой стерильной изоляции.

Я привалился к холодной стене и медленно съехал по ней на пол, уставившись в противоположный угол, где в тени прятались мои демоны. Двери. Они ведь на самом деле не закрыты. Я не в тюрьме строгого режима, я в частной клинике. Я могу встать, выйти в коридор, забрать свои документы из сейфа главврача и просто уйти. Скрыться в тумане, сменить имя, исчезнуть. Лёха дал мне этот чертов шанс. Он купил мне свободу, которую я не заслужил и которой не просил.

И именно поэтому я здесь. Каждая минута, проведенная в этой палате, каждый вдох этого пропитанного лекарствами воздуха — это мой единственный способ расплатиться.

Мой личный срок, который я сам себе продлеваю ежегодно, подписывая бумаги о добровольном отказе от выписки. Моя епитимья.

Власть, огромные деньги, «Цитадель»... сейчас всё это казалось бредом сумасшедшего, сюжетом из чужой, давно забытой жизни. Единственное, что оставалось реальным — это боль. Пока я её чувствую, пока она выжигает меня изнутри, я знаю, что я всё ещё человек, а не окончательно превратившийся в гранит надгробный памятник самому себе.

Я дотянулся до нижней полки тумбочки и выудил оттуда потертый блокнот с заломленными углами. Моя единственная легальная терапия, мой способ не сдохнуть от оглушительной тишины этих стен. Каждая страница была изрисована ЕЮ. Тася в профиль, Тася смеется, Тася на фоне заката, Тася в той проклятой каюте за секунду до... Пальцы сами вели карандаш по бумаге, вырисовывая знакомые до боли контуры. Я погрузился в этот ритм, в скрип грифеля, полностью отключаясь от навязчивого гула в голове.

Спустя час я отложил карандаш, разминая затекшую кисть, и посмотрел на результат. Рука замерла в воздухе, а сердце снова пропустило удар.

С листа бумаги на меня смотрела не Тася.

Там была эта глупышка-медсестра. Острые, почти птичьи скулы, чуть вздернутый упрямый нос и этот взгляд — дикая, невозможная смесь страха и какого-то ебаного, абсо-

лютно нелогичного сострадания. Я даже не знал её имени, я не хотел его знать, но мой карандаш запомнил изгиб её губ и дрожь ресниц лучше, чем я сам.

— Пиздец... — прошептал я, с силой захлопывая блокнот, будто пытался поймать в ловушку это новое, непрощенное чувство.

Я зашел в ванную комнату — единственное место в этом стерильном аду, где стены не давили на меня своим безмолвным осуждением. Это было мое убежище, мой личный шлюз. В этой частной клинике для меня выделили особую палату, и я был искренне, по-мужски благодарен Лёхе хотя бы за то, что здесь стены и пол были выполнены в глубоких, приглушенных коричневых и графитовых оттенках. Никакого гребаного белого кафеля. Никаких ассоциаций с тем адом. Только благодаря этому я мог заходить сюда без мгновенных, парализующих флешбэков, без того, чтобы видеть на полу растекающуюся багровую лужу нашей с Тасей крови, которая в моих кошмарах всегда находила лазейку, чтобы просочиться в реальность.

Побрившись и встав под обжигающие, почти невыносимые струи душа, я попытался смыть с себя остатки липкого ночного кошмара. Вода обжигала кожу, заставляя кровь быстрее циркулировать, вымывая из мыслей образ ножа и белых плиток. Чистая пижама, расчесанные волосы — я привел себя в относительный божеский вид, хотя внутри по-прежнему чувствовал себя куском гниющего, разлагающегося

ся мяса, который зачем-то продолжал дышать.

Было чертовски странно, но с самого утра мои мысли занимала не Тася. Мозг, словно издеваясь над моими привычными страданиями, подсовывал мне образ этого рыжего недоразумения. Я искренне надеялся, что девчонка не настолько беспросветная и наивная дура, чтобы прийти сюда снова. У неё ведь есть выбор. Она может спокойно подойти к старшей медсестре, попросить замену, сослаться на нападение — черт, да её все поддержат! Она может уйти к тихим старикам, которые мирно доживают свой век, или к тем, кто просто пускает слюни в подушку, не пытаясь никого придушить в приступе лунатизма.

Почему-то я вообще не хотел её больше видеть. Она мешала мне. Раздражала самым фактом своего существования. Она была помехой в моем четко выверенном ритуале самобичевания, она путала мысли, которые я так старательно выстраивал годами, превращая свою жизнь в герметичную капсулу боли. И это мне нихрена не нравилось. Весь строгий порядок моей личной тюрьмы был нарушен парой зеленых глаз.

Но моим надеждам на одиночество не суждено было сбыться.

Я вышел из ванной, лениво вытирая лицо полотенцем, и замер на месте. Дыхание перехватило, а в груди мгновенно, как от брошенной спички в бензин, вспыхнуло яростное, обжигающее пламя. Эта медсестричка стояла у моей тумбочки

и... она листала мой блокнот. Мой гребаный личный блокнот, где на каждой странице была вывернута моя душа, где жили мои призраки и мои грехи.

— Какого хрена... — зашипел я, отбрасывая влажное полотенце в сторону. Голос прозвучал как хруст сухих костей под подошвой. — Какого хрена ты трогаешь мои вещи?!

Я сделал шаг к ней, чувствуя, как внутри закипает неконтролируемая, дикая злость — та самая, что обычно заканчивается разбитыми в кровь кулаками. Она вздрогнула так сильно, что блокнот выскользнул из её пальцев, упав на кровать. Девчонка начала медленно пятиться, бледнея на глазах, становясь почти прозрачной в свете утреннего солнца. Её зрачки расширились от испуга, заполняя собой всю радужку, но она не бежала к двери, и это бесило меня еще сильнее.

Я наступал, не давая ей опомниться, не давая ни шанса на маневр, пока не загнал её в самый угол палаты, где стены смыкались, лишая её воздуха. Между нами осталось всего несколько сантиметров. Я с силой уперся руками в стены по обе стороны от её головы, нависая над ней всей своей массой, чувствуя исходящий от неё жар.

— Кто тебе позволил рыться в моих записях, а?! — прорычал я ей прямо в лицо, видя, как она сжимается, стараясь стать совсем крошечной, почти невидимой. — Ты здесь кто? Врач? Мой личный биограф? Прокурор? Или ты просто решила, что раз я заперт в психушке, то у меня автоматически

аннулируется право на личное пространство?

Девчонка начала что-то нелепо, по-детски оправдываться. Её лицо мгновенно, за долю секунды, залило густым, пунцовым румянцем, который дошел даже до кончиков её ушей. Она выглядела так жалко и одновременно так... по-настоящему, без этой привычной маски профессионального сочувствия, что я на секунду запнулся.

— Я... я просто... — пролепетала она, краснея до самых корней волос и испуганно глядя на меня снизу вверх. — Блокнот лежал на самом краю тумбочки... я думала, он сейчас упадет... я не хотела подглядывать, правда! Я просто хотела его поправить!

— Врешь, — отрезал я, чувствуя, как от её близости и этого чертова запаха лавандового мыла у меня начинает кружиться голова. — Ты искала там ответы. Тебе же до одури интересно, за что я здесь гнию пять лет, верно? Хотела увидеть моих демонов в лицо? Ну что, «спасительница», рассмотрелась? Стало легче?

Я видел, как дрожит её нижняя губа, как она судорожно сглатывает, не в силах отвести взгляд от моих глаз. Она была загнана в угол, напугана до икоты, но в самой глубине её зрачков всё еще горело то самое ослиное упрямство, которое я ненавидел всей душой. Именно это упрямство заставляло меня хотеть либо раздавить её окончательно, лишив этой глупой веры в людей, либо... просто замолчать.

Я прищурился, вглядываясь в её лицо так пристально,

словно пытался содрать верхний слой кожи и посмотреть, из чего она на самом деле сделана. Взгляд у неё был... ебанутый. Иначе и не скажешь. Совсем не тот холодный, оценивающий взгляд опытных медсестер, которые заходят ко мне, как в клетку к бешеному тигру. В её глазах плескалось что-то такое, от чего у меня зубы сводило от злости и странно-го узнавания — взгляд абсолютно, безнадежно влюбленного человека.

Сука, да быть этого не может. Она видела меня второй раз в жизни, я вчера едва не отправил её на тот свет, а она пялится на меня так, будто я — центр её сраной маленькой вселенной.

— Тебе, — я сделал длинную, томительную паузу, намеренно понижая голос до опасного, вкрадчивого шепота, — нужно не практиканткой здесь бегать, а выделить соседнюю палату. Прямо здесь, в десятой «А».

Девчонка моргнула, её густые ресницы затрепетали, как крылья пойманной бабочки.

— Почему? — едва слышно спросила она. Голос дрогнул, но взгляд остался прикованным к моему лицу.

Я коротко и зло усмехнулся, чувствуя вкус собственной желчи.

— Потому что только конченная чокнутая может влюбиться в своего пациента. В такого ублюдка, как я. Ты же влюбилась, а, рыжая?

Я замер, ожидая любой реакции: что она сейчас рассме-

ется мне в лицо, оскорбится, влепит пощечину или просто покрутит пальцем у виска, опровергая мою бредовую, эгоцентричную догадку. Но реакция была другой. Она мгновенно вспыхнула, как сухая спичка, пунцовый румянец залил её лицо и шею, контрастируя с белизной халата. Она начала возмущаться, нелепо размахивая руками, пытаясь отодвинуть меня, и это выглядело так наивно, что меня на секунду просто перемкнуло.

— Что за бред вы несете! — выпалила она, задыхаясь от праведного негодования. — Это... это непрофессионально! Это абсолютная, наглая чушь! Вам вообще пора принять лекарства, Костылев! Вы бредите, у вас явно фаза обострения!

Я смотрел на неё, не отрываясь. На её дурацкие веснушки, рассыпанные по носу, на припухшие, поддрагивающие от волнения губы... И вдруг, сука, почувствовал, как внутри дернулось что-то давно забытое. Внизу живота неприятно потянуло, и я заставил себя сделать резкий шаг назад, разрывая эту удушливую дистанцию.

«Это просто воздержание, Ян. Не более того. Ты пять лет не касался женщины, вот тебя и штормит от любого теплого тела рядом. Просто гребаные гормоны, нихрена больше», — яростно убеждал я себя, чувствуя, как внутри всё равно зудит.

Я отстранился, давая ей возможность наконец-то нормально вдохнуть и перестать жаться к стене. С меня хватит этого цирка на сегодня. Мой лимит общения с живыми

людьми был исчерпан.

— Ладно, — бросил я, криво усмехнувшись. — Лекарства так лекарства. Давай свою химическую дрянь, «доктор».

Я подошел к столу, взял пластиковый стаканчик с таблетками и одним глотком выпил их, почти не чувствуя вкуса, запив теплой водой. Горький, металлический привкус привычно осел на языке. Я поставил пустой стакан на стол и сухо кивнул на дверь.

— Всё, норма выполнена. А теперь вали отсюда. Уходи, пока я еще в духе и не решил проверить твою теорию о моем обострении на практике.

Я демонстративно отвернулся к окну, давая понять, что аудиенция окончена. Спиной я кожей чувствовал её растерянность, слышал её неровное, сбитое дыхание, но мне было плевать. Мне нужно было остаться одному, в тишине, чтобы как можно скорее вытравить из памяти этот гребаный зеленый взгляд.

Глава 3.

Роза Гранская.

Утро началось с привычного ритуала, который теперь п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.